

Круг «Хочу и Надо» у Источника Сердца

КРУГ ХОЧУ И НАДО
У ИСТОЧНИКА СЕРДЦА

ХОЧУ

НАДО

ТВАРДОВСКИ

AMOR EST OFFICIUM

Я вхожу в Сердце Сердца так, будто нащупываю на стене выключатель в незнакомой комнате: сначала темно, пальцы ищут фактуру штукатурки, потом – щелчок, и свет не загорается, а вспоминается. Там, в самой глубокой точке опоры, оказывается, не рычаг и не пульт управления судьбой, а тихое тёплое «да». Оно без требований, без накруток, без масок, как ладонь бабушки, в которую ты кладёшь свой дрожащий пульс и вдруг понимаешь, что всегда был принят. Я называю это Безусловной Любовью, но слово «любо-овь» лишь шуршит, как шёлк по коже, перед тем как стать кожей. Тут и происходит мой маленький ментальный взлом: всё, что я считал «должен», внезапно оборачивается Любовью, и всё, что звал Любовью, раскрывает своё скрытое имя «должно». Не в смысле принуждения, а как гравитация духа: яблоко падает не потому, что оно обязано, а потому что так красиво, так верно, так естественно движется к своему центру. И когда эти два зеркала смотрят друг на друга: Любовь как должное, и должное как Любовь, то между ними исчезает граница, остаётся одна-единственная чудесная вещь, тот самый камертон, по которому настраивается оркестр моей жизни. Я слышу его ушами тишины: не звук, а согласие звуков. Я вижу его глазами сердца: не форма, а свет, который делает формы видимыми. Ячущу его телом: как если бы позвоночник вспомнил, что он свеча, а огонь уже зажжён.

Вечность в этом месте не далеко и не завтра; она складывается, как нож-кредитка, в карман сегодняшнего «сейчас». Я усмехаюсь: ну да, то самое «здесь», от которого мы обычно прячемся в планы и ностальгию. Вечность не приходит по расписанию, она раскрыта всегда, как дверь холодильника в ночь, когда ты на цыпочках ищешь смысл жизни и находишь кусок простого хлеба. Я беру этот хлеб и понимаю, что вкус – это аргумент бытия. Бог, кажется, спорить не любит, Он угощает.

Когда я говорю «единственная точка опоры», не подумайте о рычаге Архимеда, который перевернёт мир снаружи. Скорее – о тихом жале метафизической пчелы, которая на миг ужалит моё эго и оставит в нём мёд. Мне не нужно трогать небесные шестерёнки;

я просто усаживаюсь в центр себя, как в лодку посреди озера. Ветер – это мысли, волны – обстоятельства, а глубина – та самая Любовь, в которую погружается весло, не спрашивая разрешения у берегов. Смешно, но работает: когда перестаю держаться за берега, лодка держит меня. И именно тогда я слышу почти смешной, почти детский внутренний приказ: «Будь тем, чем должно быть». Я хотел бы возразить, потребовать регламент, чек-лист, сертификат соответствия. Но эта фраза из Сердца Сердца не угрожает, она улыбается, как кот, которому и так ясно, что ты всё понял. Быть – это не роль, а распаковка. Как матрёшка, которая вместо того, чтобы прятать меньшую, раскрывает большую, и та, в свою очередь, ещё большую, пока не окажется, что внешняя, и есть внутренняя, просто уставшая от скобок.

Если попробовать сказать проще, получится только глубже: то, что мне «надлежит», совпадает с тем, что мне «люблю». Это не логическая уловка, это физиология духа. Я двигаюсь туда, где тепло, и там же – верно. Я выбираю то, что верно, и там же – тепло. И в этой совпавшей траектории пропадает трение, как будто смазали невидимые шарниры судьбы. Я смеюсь, когда замечаю, как ум пытается отчеканить медаль «я выбрал правильно», а Любовь просто наливает мне воды. Смешно, но в этой банальной прозрачности есть вся метафизика: глоток, и ты уже здесь. Глоток, и ты уже сейчас. И вот уже «как должно» растворяется в «как люблю», а «как люблю» становится способом исполнять долг без долгов. Остаётся одна вещь, та самая чудесная, бесшовная, вытканная прямо из Вечности, которая дышит сквозь меня, как орган через трубы, как море через прилив, как сердце через сердце. И я, мужчина с карманом смешных привычек и серьёзной тенью, неожиданно становлюсь простым: касаюсь мира мягко, как звуком, смотрю на мир ясно, как светом, и обнимаю мир плечами изнутри. Здесь всё и начинается – без начала, но точно с места.

Я расправляюсь до размеров морского горизонта и слышу, как кожа становится береговой линией: волна касается, и отходит,

не разрушая, а подмигивая приливом. Прекрасно быть таким океаном, где любовь и долг текут в одном солёном теле, и даже если провокации кидают камни с набережной, вода не выходит из берегов, а только шлифует гальку внутреннего порядка. Я проверял это в быту: стою в очереди, где время тянется, как жвачка у подростка, и вдруг понимаю, что могу дышать ритмом прибоя. Не бороться с шумом, а слушать его как метроном, который Бог оставил мне вместо будильника. Да-да, смешно: чтобы навести порядок, достаточно не дергаться. Волна знает, когда ей прийти. Берег знает, где ему стоять. Я просто становлюсь вниманием, которое не течёт из стакана.

Любовь для меня – это Свобода, та самая, которую дети называют «хочу». Вкусное, тёплое «хочу», которое не надо оправдывать философией, оно само философия, как запах свежего хлеба, которому не требуется манифест о хлебности. В этом «хочу» есть дыхание, расправленные плечи, открытое окно. Оно шепчет: «Пойдём», и я иду, и иду не потому, что так модно или полезно, а потому что ласточки кроят небо и как-то неловко оставаться швейной машинкой на полу. А Долг – это Необходимость, взрослое «надо». Но смешно видеть, как «надо» пугает только до первого шага: будто суровый учитель, который на самом деле любит свой класс, просто брови густые. «Надо» – это ремень безопасности, который никто не видит на фото, но он держит жизнь на поворотах. Мне не нужно с ним спорить, я щёлкаю замком и слышу то самое щадящее «клик», после которого дорога становится возможной.

И вот что странное и простое: когда моё «хочу» и моё «надо» встречаются без кулаков, они начинают танцевать, как две половины одного дыхания. Я замечаю это утром, когда будильник, тот же метроном моря, пикает в 6:00, а тело, ленивое как кот, просит ещё пять минут рая. Я улыбаюсь и договариваюсь с котом: «Хочу» попасть в рассвет, «надо» встать. Мы выходим на балкон, и уже воздух делает за меня половину работы. Гармония – это не компромисс, не торговля на рынке, а орбита: Хочу как планета, Надо как гравитация. Если только одно, то улетим в хаос, если

только другое, то станем каменной статуей. Вместе они выписывают круг, и этот круг, не наручники, а обручальное кольцо между мной и реальностью. В нём есть красота формы и сила удержания: именно так явленность не разваливается от первого сквозняка новостей, а держит курс, как корабль, который слышит глубиной больше, чем парусом.

Я тренирую эту траекторию на абсурдных мелочах. Сосед включил дрель: значит, пространство посыпает мне вибротерапию для терпения, и ушам ничего не остаётся, как превратить звук в мантру. Кот в четыре утра решил, что ковёр – это место для философских извержений: значит, любовь проверяет мою готовность подать салфетку вселенной. Финансовая смс прибывает с лицом инспектора: значит, «надо» просит подписи, и я подписываю, не изменяя почерк. Так вода и берег хранят друг друга: волна не сходит с ума от лунного света, а берег не мнит себя царём суши. Я их союз, и от этого в теле появляется тихая мощь: походка не спешит, взгляд не цепляет, руки делают нужное, как будто давно знают пароль от мира.

Вслушиваясь, я слышу, как «хочу» звенит колокольчиком, тонко, почти по детски, а «надо» отвечает басом, основательно, как старый орган в пустынном храме. Вместе они дают аккорд, в котором не хочется ничего менять. Вглядываясь, я вижу, как «хочу» рисует светом, «надо» задаёт контуры, и картинка становится видимой не потому, что я талантлив, а потому что свету есть за что зацепиться. Ощупывая эту структуру изнутри, я понимаю, что круг их единения – это не геометрия, это биение. Пульс, который выходит из Сердца Сердца, как ключ из источника, и не устаёт быть новым. В этом пульсе красота не декоративна: это сила, благодаря которой мир не рассыпается на осколки случайностей. Красота – как правильный вкус воды: без вкуса, потому что, верно.

Меня часто спрашивают: а как не выливаться за край, когда провокации размахивают красной тряпкой перед носом привычек? Я отвечаю без мудрости, зато честно: помните, вы – море, а не стакан. В море волна может быть выше дома, но море не

переезжает свои берега; оно просто делится с небом тем, что небесам не жалко. Внутренний порядок – это как скрытая марка на дне сосуда: по ней мир считывает, сколько в тебе соли, и не добавляет лишнего. И когда я держу эту соль в равновесии, даже шторма оказываются уборкой на глубине: всё лишнее поднимается, чтобы быть вынесенным к песку, и всё нужное возвращается на место, как потерянные ключи, которые вдруг оказываются в той самой миске у двери.

Вот тут и проявляется загадочная простота: круг Хочу и Надо не замыкает меня в клетку, он замыкает ток. Тепло начинает идти по проводам, как будто кто-то наконец включил меня в сеть той самой Безусловной Любви, что бьёт из Источника в Сердце Сердца. И я уже не доказываю, что живу правильно; я просто живу так, как дышит Источник, вдохом принятия и выдохом действия. Иногда это выглядит как забота о близких, иногда как подписанный договор, иногда как отказ от спора, где победитель получает пустую коробку. А порой, как смех над собой, когда ловишь себя на том, что пытался учить море плавать. Тогда я молча ставлю чашку, слушаю, как чай шепчет паром, и понимаю: ритуалы просты, потому что вечны. И где-то в этом шёпоте круг делает ещё один оборот, не закрываясь, а открываясь дальше, чем видит глаз.

Я собираю всё это в походный рюкзак быта: Безусловную Любовь кладу не сверху, как бриллиант для парадов, а на самое дно, как тихий камень, что удерживает форму сумки. Сверху хлеб дел простых, вода слов необходимых, тёплая кофта внимания. Я иду в день, как в незнакомый город, и первое, что делаю на вокзале, то настраиваю собственный «камертон тепла и верности»: если мне тепло и верно – иду; если только тепло – улыбаюсь и жду; если только верно – опираюсь и добавляю мягкости. Чудесным образом заботы начинают ложиться в ладонь, как пуговицы, которые раньше разбегались по полу. Я не бегу за ними, я подставляю ладонь. Это и есть интеграция: не клейкая лихорадка саморазвития, а спокойный шов, которым реальность пришивает меня к себе без шрамов.

В быту это звучит, как музыка без нот. Я слышу утром щелчок чайника, и будто орган вступает в низкую ноту «надо», а тонкая пара из носика поёт «хочу». Я визуализирую дела днём, как линию горизонта: слева – заботы людей, справа – мои задачи, посередине – Сердце Сердца, из которого идёт свет, благодаря которому вообще видны контуры. Я ощущаю телом, где начинается берег: если плечи поднимаются, как испуганные чайки, значит, я забыл, что я – море. Я опускаю их и воздух становится глотком того самого «сейчас». Так «обустройство» происходит само: я не внедряю методологи, я присаживаю Дух на табуретку кухни, пусть ест со мной, делит хлеб, а не читает мне лекции.

Когда «хочу» и «надо» спорят, я не становлюсь судьёй, я становлюсь танцполом. Пусть крутятся. Через минуту кто-то предложит круг и пригласит другого. Если конфликт упрям, я спрашиваю сердце вслух, почти смешно: «Ну?» – и жду первый такт тишины. Ответ всегда прост, как дверь без ручки: туда, где меньше насилия. Здесь и рождаются мои маленькие советы самому себе, без фанфар и чёрных досок. Если не знаешь, что делать, делай то, что добавляет жизни. Если любишь, дай свободе место сесть рядом, а не на голову. Если должен, выбирай форму, в которой достоинство остаётся тёплым. Если провоцируют, проверь, не обморожены ли границы: живые береговые камни не кричат, они просто держат берег. Если устал, положи лопату у стены, земля подождёт, а корни всё равно растут в тишине. Если рад, не шуми слишком, чтобы радость услышала сама себя и осталась ночевать.

Интеграция – это когда даже абсурд становится подсказкой. Забыл важный звонок – значит, мир шепчет о тишине, которая дороже переговоров. Опоздал на транспорт – значит, твой поезд пришёл в тебя, а не ты к нему, и теперь у тебя есть две лишних остановки времени, чтобы перевязать мысли. Сломалась техника – значит, рукам дана возможность вспомнить, что они – тоже технологии. Деньги потребовали внимания, хорошо, деньги тоже хотят, чтобы их любили невозмутимо, как завтрак, без романтики, но с солью. Так долг находит форму любви, а любовь,

дисциплину дыхания, и вместе это становится ритуалом: вдох – принимаю мир, выдох – становлюсь миром для кого-то ещё. Я не лечу Вселенную, я угощаю её чаем. Часто этого достаточно, чтобы тысячи крошечных вселенных в соседних сердцах перестали стучать кулаками в стену.

Я замечаю, как слух учится ловить ту тихую частоту, где нет драматургии, есть ритм. Как взгляд перестаёт искать подтверждений и начинает подтверждать сам: «вижу, значит, отвечаю». Как тело отучается от микронасилия к себе: вместо «соберись, тряпка», звучить, «встань, друг». Я смеюсь над собой чаще, чем раньше: серьёзность – это не кислота, это правильная закваска. Она делает хлеб плотным, а не каменным. В религиозном смысле это похоже на литургию без декораций: алтарь – стол, кадило – кастрюля, икона – лицо близкого, на котором можно прочитать сегодняшнее Евангелие: «Не мсти. Напои. Скажи правду и помой тарелки». В философском, на честную онтологию повседневности: бытие держится не идеями, а заботой. В эзотерическом, на вспоминание, что свет идёт не через штору чудес, а через ткань обычного, и это и есть чудо.

Когда подбиваю под итог, то он не сходится в цифры, он складывается в круг. Я не герой романа и не статист в космосе; я участок берега, на котором море и суша подписали договор без печатей. Безусловная Любовь: мой устав и мой отпуск. Долг: моё ремесло и мой берег. Их круг: моя орбита, на которой не хочется сбегать, потому что тут дышится, видится и слышится правильно. Я выношу из этого дня простой вывод, пригодный для любой погоды души: быть тем, чем должно быть, значит любить то, что есть, так, чтобы оно могло стать тем, чем ещё не стало. Остальное приложится, как солнечный блик к воде, если вода не забудет быть водой. И когда ночь накрывает дом своей тёмной ладонью, я ставлю на подоконник стакан с водой, пусть утро увидит в нём луну и допьёт её до дна. В Сердце Сердца не заканчиваются истории; они просто становятся светом, в котором видно, куда поставить ногу дальше.

Я объясню, как читается эта гравюра, будто пальцами по Брайлю смысла. В центре: каменный источник, «Сердце Сердца». Вода из него сразу становится морем и всё же не разливается: берег очерчен как компас. Это не запрет, а форма свободы: у любви есть русло, иначе она превращается в лужу случайностей. Если прислушаться, вода звучит как орган: бас обязанности и серебряный свист желания складываются в аккорд, где не надо выбирать между «хочу» и «надо», потому что они уже женаты.

Странник у кромки – это я же, любой из нас, кто учится не хватать, а касаться. Ладонь в воде – тест на доверие: температура судьбы всегда правильная, просто мы забываем убрать перчатки страха. Плащ без герба, потому что герб – внутри: круг над головой. Две ленты «ХОЧУ» и «НАДО» переплетены в орбиту, и оттого не душат, а держат высоту. В круг вписана звезда и гранат: у звезды лучи – это направления смысла, у граната дольки – это роли в семье, каждая со своей сладкой дисциплиной. Любовь как плод: если давить – течёт липко, если делить – кормит всех.

Органные трубы на дальнем плане – дыхание дома. Там, где ребёнок от другого брака, музыка отношений собирается из разноязыких труб, и потому гармония честнее: новые семьи редко играют по одной ноте, зато у них богатые аккорды. Песочные часы – прививка от нетерпения: время течёт не против нас, а сквозь нас. Книга открыта – значит, сценарий не дописан; циркуль рядом напоминает, что круг единения чертится не раз и навсегда, а каждый день понемногу. Ремень безопасности – смешная, но честная аллегория долга: его не видно на общих фото, зато именно он спасает на поворотах судьбы.

Кот у ног – домашний сфинкс, экзаменатор на нежность. Он всегда проверяет: любишь ли ты живое, когда оно не по расписанию. Чайник, из носика которого пар складывается в ноту, – урок простоты: тепло и звук – одна природа. Иногда лучше не толковать теоремы, а налить кипяток и позволить пару дописать предложение. Ласточки в небе – это «хочу» в чистом виде: строчки, которые не нуждаются в редакторе; луна –

«надо», ритм приливов, к которому привязывается море. Вместе – календарь сердца, где вчера и завтра сдаются в аренду сегодняшнему дню.

Рамка – не декор, а ограда виноградника: орнамент держит взгляд у края, чтобы смысл не расплескался. На полях – виньетки малых чудес: волна шлифует гальку привычек, ладонь подаёт чашку миру – вот как работает безусловность: не шумит, а доносит. Лента с «AMOR EST OFFICIUM» – мой любимый укол иглой совести: любовь – это ремесло. Не сахарная вата на ярмарке, а ежедневная печь, где хлеб поднимается, если не лениться закрывать дверцу.

Чёрно-белость – принципиальна: здесь нет полутонаов оправданий, есть свет и тень, из которых выплатаются наши решения. Штриховка – как привычки: повторяясь, они дают плотность. Камень источника, металл циркуля, дерево стола – всё пропрактильность смысла: истина не только видится и слышится, онаещё и ощущается локтями, позвоночником, дыханием. Если прислониться к листу щекой, услышишь шум моря – это твоя кровь просто согласилась с географией духа.

И да, странник – мужчина, потому что я говорю от себя. Но это лицо – зеркало, не паспорт. Любая, любой может встать на его место: достаточно поднести ладонь к воде и уловить собственный камертон. Тогда круг над головой станет не короной, а обручальным кольцом с реальностью, органные трубы заиграют без дирижёра, кот перестанет быть экзаменом и будет просто котом, а пар из чайника допишет в воздухе самое важное слово, которое всегда ускользает от формулировок: «Дом».